

Деньги Стабфонда можно тратить
Но только на повышение конкурентоспособности,
считает известный польский экономист Гжегож В. Колодко

Прямая Речь

С профессором Гжегожем В. Колодко, ведущим архитектором экономических реформ в Польше, который дважды (1994-1997 гг. и 2002-2003 гг.) занимал посты первого вице-преьера и министра финансов Польши, а ныне директором Высшей школы экономики в Варшаве мне довелось побеседовать в Московской академии экономики и права, где он недавно выступил с циклом лекций о состоянии и перспективах мировой экономики и почетным доктором которой он является. Пан Колодко считается ведущим архитектором экономических реформ в Польше, способствовал принятию страны в Организацию экономического сотрудничества и развития, сыграл важную роль в процессе присоединения Польши к Европейскому союзу.

Первый вопрос, волнующий как россиян, так наверняка и поляков, естественно, о российско-польских взаимоотношениях.

— Они, — отвечает пан Гжегож, — мягко говоря, оставляют желать лучшего. Официальная Варшава, судя по всему, заиклилась на западном направлении и не очень стремится к улучшению связей с Россией. Это ненормально. Несмотря на то что мы теперь — члены НАТО, Организации экономического сотрудничества и развития, Евросоюза, нам невыгодно игнорировать добрые контакты с Россией. К сожалению, каких-то радикальных шагов в этом направлении от нынешнего правительства правого толка ждать не следует. Я по крайней мере на это не надеюсь.

— Неужели тупик?

— Конечно, нет. Прежде всего приходится рассчитывать на свободных предпринимателей, которые, исходя из обоюдного интереса, могут налаживать, развивать и укреплять между собой деловые контакты. Созданию благоприятного климата в отношениях между нашими странами способны содействовать и расширяющиеся связи в других сферах — науке, культуре, туризме. Чем больше поляков ездят в Россию и россиян — в Польшу, тем

лучше. Это же ведь можно делать, не оглядываясь на президентский дворец в Варшаве или на Кремль в Москве. Тут нельзя забывать и об обмене студентами. Например, учащиеся моей школы приезжают в московские высшие учебные заведения, в том числе и в Академию экономики и права. В свою очередь мы охотно принимаем у себя российских студентов. Миру нужна сильная, быстро развивающаяся, процветающая на основе рыночной демократии Россия. И я уверен, что ваша страна идет в этом направлении.

Путь, правда, предстоит довольно долгий. Много было упущено из-за ошибочных решений в 90-е годы. Сейчас эти ошибки постепенно исправляются. Хотя многое еще в политике Кремля оставляет желать лучшего. Но, повторюсь, нынешняя политика России намного эффективнее той, что проводилась в последнем десятилетии прошлого столетия.

— **Ну и как вы себе представляете будущее планеты?**

— Будущий мир я вижу многополярным, в котором существенную роль должны играть несколько мировых центров. Прежде всего это США и Евросоюз, на долю которых приходится более 40 процентов мировой продукции. И еще четыре столпа — Япония, которая после ряда нескольких лет так называемого структурного кризиса снова набирает силу, Китай, где рыночная экономика уже занимает ведущее место, Россия и Индия. Это не значит, что остальной мир окажется где-то на обочине. Должны найти свое место Африка, Латинская Америка.

— **Известно, что у России нынче накопился солидный Стабилизационный фонд (на 1 сентября он составлял 1,73 триллиона рублей, что эквивалентно 6,4 процента ВВП). Но он, насколько известно, «лежит» за рубежом и толком на повышение благосостояния россиян не используется. Представим, что вы — министр финансов РФ, что бы вы сделали с этими немалыми деньгами?**

— Я знаком с известными российскими экономистами, у которых есть разумные предложения, как распорядиться этим фондом. Например, профессор Александр Некипелов или профессор Владимир Попов. Я разделяю их точку зрения на этот вопрос. Они считают, что пассивное хранение этих денег — близорукая и

неверная политика. Конечно, России нужны валютные резервы, нужны какие-то запасы на случай, когда цены на энергоносители упадут.

Но нельзя забывать, что хранение российских денег в иностранных облигациях и на счетах зарубежных банков по сути финансирует экономики других государств. И даже преждевременное погашение внешнего долга предполагает выплату более высоких процентов, чем те проценты, которые идут на счет российского Стабфонда. Вот эта маржа между доходами и расходами России и является доходами заграничного финансового капитала.

В принципе Стабилизационный фонд России — это деньги российского общества, и его судьбу надо решать демократическим путем. Иначе говоря, представители россиян в Государственной Думе должны определить, что делать с этими средствами. Конечно, депутаты не могут отмахнуться от разъяснений министра финансов и премьер-министра о том, как можно безболезненно для экономики использовать этот фонд. Но пока то, что предлагало правительство — мол, так держать, бесперспективно.

По мне, так надо бы из фонда полностью или частично расплатиться с внешними долгами, что Россия и делает (в 2006 году средства Стабфонда в объеме 616 миллиардов рублей были направлены на досрочное погашение долга бывшего СССР Парижскому клубу. — Ред.). Я согласен с министром финансов РФ Алексеем Кудриным, который предупреждает, что простое использование этих денег на внутреннем рынке приведет к взвинчиванию инфляции. Но я полагаю, что их все же можно применить и на внутреннем рынке. Например, через создание специальных фондов, которые финансировали бы импорт новой техники и новых технологий для определенных отраслей российского предпринимательства, преимущественно частного, которое пока еще недостаточно конкурентоспособно. А ведь в России есть такие производства, которые при определенных инвестициях могли бы стать конкурентоспособными во всем мире. Ну и, наконец, вложения в человеческий капитал.

А пассивное ожидание спада цен на энергоносители превратят Стабфонд в прошлогодний снег. Я согласен с экономистами, которые говорят, что средств фонда нельзя раздавать налево и направо. Нельзя, например, тратить их на преодоление бедности. Нельзя угробить их на бюрократию и армию. Но можно и нужно пустить их на развитие инфраструктуры, на экспортоориентированный импорт самых современных технологий. На развитие научно-производственных

комплексов, на инвестиции в человеческий капитал и на, повторюсь, снижение заграничного долга.

Российское процветание в последние семь лет — результат повышения цен на энергоносители, которые от России не зависят. И это благоприятное время надо использовать для создания сильных институтов регулирования рыночной экономики. Сейчас это намного проще, чем раньше. У вас ведь положительное сальдо в торговом балансе, в бюджете — профицит. Есть из чего финансировать частичные трудности в ходе реформ. У нас в Польше такого комфорта не было, но мы тем не менее пошли намного дальше вас. Боже, если бы у меня в бытность вице-премьером была такая ситуация, как у Кудрина и Путина (4,8 процента ВВП профицита в бюджете), то Польша была бы уже в первых рядах ЕС.

И последнее. Не вдаюсь в подробности, но на первый взгляд проект бюджета РФ на 2007 год свидетельствует, что уже какой-то существенный шаг сделан в верном направлении. Тенденция такова, что ваше правительство все же решилось тратить те деньги, которые вам пока легко достаются. Примечательно, что при этом, скорее всего, увеличится и Стабфонд (*по подсчетам минфина РФ, в 2008 году Стабфонд должен составить 4,2 триллиона рублей. — Ред.*).

Юрий Ершов